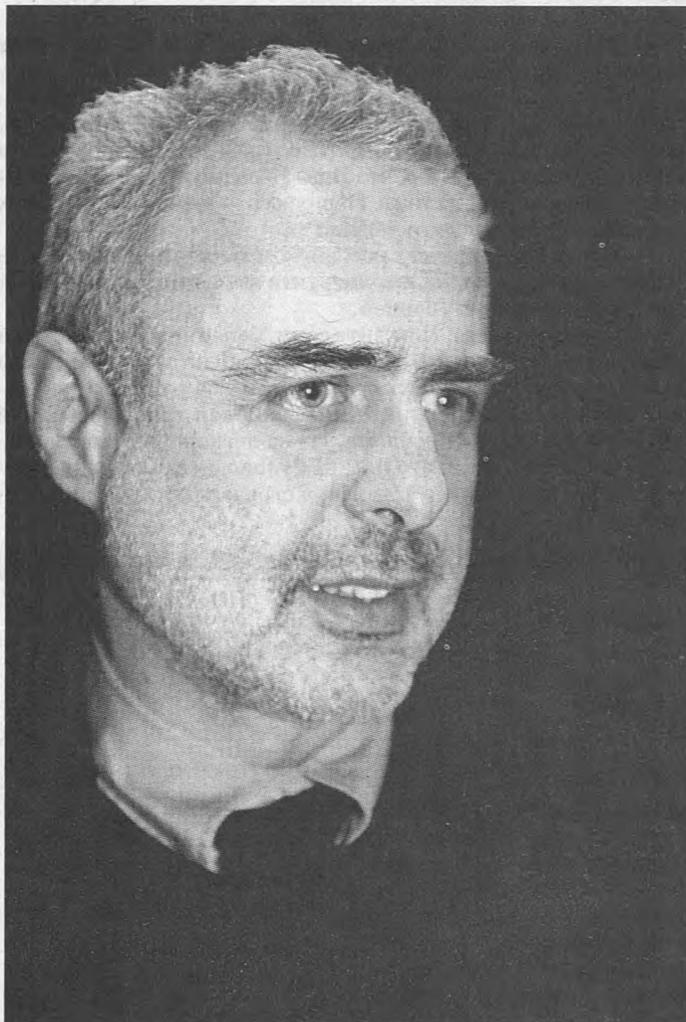

Биеннале переходного периода

Директор самого крупного европейского форума современного искусства — о новой художественной идеологии

Беседовал Андрей Ковалев

В художественном процессе Франческо Бонами отвел себе третье место

Франческо Бонами недавно был назван в числе десяти самых влиятельных персон художественного мира в результате опроса, проведенного британской газетой «Дейли телеграф». Он родился в 1955-м во Флоренции, с 1987 года живет и работает в США, возглавлял американскую редакцию журнала «Флэш Арт», в настоящий момент является директором Музея современного искусства в Чикаго. Автор многих книг и статей, куратор нескольких шумевших выставок, в частности «Манифесты 3» в Любляне 2000 г. Главным куратором очередной, пятидесятой Венецианской биеннале, которая откроется в июне, Бонами был назначен только летом, в результате публичного отказа знаменитого австралийского критика Роберта Хьюза. Вследствие некоторой геронтократии, процветающей в этой области, сорокасемилетний Франческо Бонами оказался самым молодым в плеяде кураторов биеннале. Поэтому международная художественная общественность с трепетом ожидает от Бонами, что он займется самыми актуальными проблемами современного искусства. С другой стороны, за пристрастие к фигуративной живописи Бонами успели уже упрекнуть в «ждановизме».

В Москву Бонами приезжал для участия в международном симпозиуме «Большой проект для России. Проблемы и перспективы», который устраивало Министерство культуры РФ. На симпозиум приехали люди, безусловно, принадлежащие к международной кураторской элите: Рене Блок — директор музея «Фридеридианум» (Кассель); Харальд Зеeman — художественный директор «Документы 5» (1972), 48-й и 49-й Венецианской биеннале (1999 г. и 2001 г.); Ханс Ульрих Обрист — куратор Музея современного искусства Парижа; Роберт Сторр — куратор Музея современного искусства Нью-Йорка; Джермано Челант — куратор Музея Гуггенхайма (Нью-Йорк).

Такого мощного десанта знаменитостей Москва не видела со времен «русского бума» времен перестройки. Впрочем, ничего нового о том, как должен выглядеть этот самый «Большой проект для России», мы так и не узнали — звезды предпочитали говорить о своем индивидуальном опыте и рассказывали о великих проектах, в которых принимали участие. Все равно решать проблему придется нам самим.

Но самой актуальной фигурой, несомненно, был именно Франческо Бонами, которого нам удалось расспросить о принципах построения Венецианской биеннале в этом году и, конечно, о «русском присутствии». Первая задача, кажется, вполне далась, со второй возникли сложности — Виктор Мизиано, только перед Новым годом назначенный куратором российского павильона, пока так и не назвал героев, которым суждено покорить Венецию в этом году.

— Девиз, который был задан вами для следующей Венецианской биеннале, звучит так: «Мечты и конфликты» (Dreams and conflicts), а подзаголовок — «Диктатура зрителя» (Dictatorship of the viewer). Что это значит?

— Невозможно выставить мечту, искусство ради искусства.

Но также нельзя и заикливаться на простом описании мира. Так что биеннале станет точкой конфликта между реальностью и эстетикой, выявит результат трений между двумя этими сферами.

— В интернациональных кругах все чаще говорят о некоем конфликте между чистой эстетикой и социальной аналитикой в искусстве. Это звучит как некий ревизионизм по отношению как к модернизму, так и к постмодернизму.

— Я так не думаю. Это не ревизионизм, таково сейчас положение дел в искусстве. Биеннале будет лишь сообщением об этой ситуации.

— В моем медвежьем углу я по старинке остаюсь в убежденности, что цель искусства — критика и анализ общественных языков. Поэтому и второй лозунг — «Диктатура зрителя» также звучит как сдача позиций: почти все искусство прошлого века жестко и недвусмысленно навязывало зрителю свои стратегии отношения к миру. Теперь все изменилось?

— Не думаю. Я просто хотел бы воссоздать отношения индивида и мира. Мы все одержимы идеей «публики» как некой абстрактной группы людей. Дело вот в чем — в мире искусства отдельная личность, индивид, может распоряжаться временем по своему усмотрению, но только совокупность индивидов и создает Публику. Так что приходится работать, учитывая потребности отдельного зрителя. Особенно если готовишь большую выставку типа «Документы» или биеннале, где у зрителя время для осмотра одного произведения крайне ограничено. Моя задача как курато-

ра состоит в том, чтобы постараться, насколько это возможно, сохранить чистый опыт выставки как таковой.

— Кажется, я понимаю — вы все же куратор большого американского музея. А в Соединенных Штатах лучший музей — тот, который делает выставки — блокбастеры. Но теперь многие полагают, что этот подход слишком сильно слипается с методами шоу-бизнеса и превращает выставку в некое подобие Диснейленда.

— Я вовсе не стараюсь добиться банального результата. Моя главная задача — не столько иллюстрация некой абстрактной идеи, но показ тех метафор, которыми она обрастает. Я не стремлюсь к тому, чтобы дать зрителю универсальный ключ к пониманию, моя цель — добиться чистоты репрезентации идей.

— Но сам формат биеннале не дает возможности достичь идеальной чистоты, поскольку она состоит не только из международных проектов, но и из национальных павильонов. В какой мере кураторы этих павильонов должны следовать заданному лозунгу — «Мечты и конфликты»?

— Нет, я придумал только название — биеннале, а хозяйка павильонов вольна выбирать то, что им больше подходит. Я не могу вмешиваться в процесс отбора работ отдельными странами для своих павильонов. Но в целом, надеюсь, все отдельные экспозиции будут взаимосвязаны и посвящены одной теме.

— То есть конечный результат можно будет описывать в терминологии Ильи Кабакова как «Тотальную инсталляцию».

— Биеннале состоит из разных выставок, которые делают разные кураторы, в которых участвуют разные художники. И у каждого из них — своя цель. Так что о тотальной инсталляции речи не идет, как раз наоборот. Естественно, будут и определенные точки столкновения между искусством и зрителем.

— Наверное, это гуманный подход, потому что Ильи Кабаков в 1994 году в большом интервью, которое вы делали для «Флэш арта», говорил, что в центре структуры тотальной инсталляции находятся «репрессия и страх». Кстати, как вы относитесь к модной идее о том, что куратор — это суперхудожник?

— Нет, куратор всего лишь отбирает работы для выставки. Он не автор, он не создает работы, только дает возможности для их воплощения. На первом месте стоит художник, затем зритель и лишь на третьем месте — куратор. Мне приходится не просто выбирать тех художников, которые мне нравятся, они должны вписываться в определенный контекст, быть востребованными в данный момент времени. Есть много художников, которые мне нравятся, и тем не менее я не включил в выставку их работы, поскольку в этом нет смысла. И, конечно, мне приходится учитывать бюджет и свободное пространство. Я пригласил также шесть кураторов, каждый из которых контролирует соответствующий отдел «Документы». Каждый занимается своей выставкой, а я лишь указываю им направление работы и не вникаю в детали их работы.

— Вы в первый раз в Москве?

— Да, я нахожусь здесь уже два дня.

— И с какими художниками вы успели пообщаться?

— Меня возили в некоторые галереи — «Айдан», «Риджина», XL, «М. Гельман». Встретился с молодыми художниками из группы Анатолия Осмоловского, посетил мастерскую Олега Кулика.

— И теперь вы можете дать ответ на животрепещущий вопрос — как актуальное русское искусство воспринимается на Западе?

— Дело в том, что Россия одновременно и является частью Европы, и не является ею. Русское искусство находится в переходном периоде, и понадобится немного времени, прежде чем оно начнет оказывать реальное влияние. Мне кажется, что русские художники слишком много внимания уделяют социальной и политической тематике. Кроме того, русскому искусству присущ глубокий самоанализ. Мне кажется, что все дело в репрессивном

политическом режиме, который существовал десять лет назад когда тело стало единственной площадкой для экспериментов, единственным пространством свободы. Тело — последнее пространство, в которое может проникнуть художник. В этом, видимо, причина замкнутости некоторых из русских художников.

— Хорошо, я догадываюсь о том, что у всех есть свои проблемы. Вы — итальянский куратор, работающий в США. Какие могут быть проблемы у итальянцев или американцев?

— Некоторые американские художники заняты только поддержанием существования метафоры в этом мире. И говорят о своей собственной ситуации так, как будто они могут отделиться от остального мира. Художники, не сумевшие преодолеть этого конфликта, становятся идеалистами. Проблема итальянцев в том, что они замкнуты в себе и считают человека центром мира. Впрочем, в биеннале будут участвовать много очень разных художников. И каждый из них будет стараться подчеркнуть свою уникальность. В общем, это проблема, что они не контактируют между собой.

— Вы приехали в Москву на симпозиум «Большой проект для России», где обсуждалась проблема устройства в Москве чего-то вроде биеннале. Каково ваше видение «проекта для России»?

— «Документа» в Касселе стартовала после Второй мировой войны, а Венецианская биеннале — в конце XIX века, когда формировались государства-нации. У каждой большой выставки есть своя специфика, привязанная к месту и времени. В Москве ситуация быстро развивается, искусство становится более открытым. Возможно, именно Москве предстоит создать проект XXI века, но его следует тщательно согласовать с тем географическим, культурным и политическим контекстом, который создает Россия в этом мире.

— Мне кажется, что именно в этом и есть самая большая сложность — художественный проект для России остается туманным, поскольку нет никакой ясности о самом «Проекте Россия». Я лично думаю, что именно это обстоятельство и следует тематизировать для Московской биеннале. Впрочем, многие говорят теперь о том, что «биеннальность», возникшая еще в позапрошлом веке, есть глубокий архаизм.

— В любом случае всегда есть необходимость привносить что-то новое; искусство ищет способы создать новую модель. Сначала нужно определить реальные цели, а потом структурировать их.

— Но пока что нас больше всего интересует, кто же будет представлять Россию в Венеции. Что вы можете рассказать о проекте, который готовит Виктор Мизиано, назначенный куратором российского павильона?

— Подробностей пока сказать не могу. В целом суть такова — каждый художник проекта смотрит и анализирует работы других художников — участников проекта. Подход очень интересный, потому что будут не только выставлены работы самого художника, но и показана точка зрения других художников на эти работы.

— Какие русские художники примут участие в международных проектах биеннале?

— Словенский куратор Игорь Забель, хорошо знакомый с ситуацией в современном русском искусстве, отобрал трех художников, которые будут представлены на выставке «Индивидуальные системы».

— Что такое «индивидуальная система»?

— Описывается ситуация, когда художник создает свой индивидуальный самоценный язык, когда возникает замкнутая система, в рамках которой создаются самоценные идеи.

— Хотелось бы узнать имена этих самоценных индивидуалистов...

— Я бы не хотел пока называть конкретных имен, но полный список участников будет представлен на пресс-конференции в Риме 25 марта.